

ПАМЯТИ ВЛАДИМИРА НИКОЛАЕВИЧА МАЛОВА

Ушел из жизни Владимир Николаевич Малов.

Нам еще предстоит осознать всю тяжесть этой потери для каждого из нас и для науки в целом, оценить весь масштаб многогранного творчества этого выдающегося ученого.

Владимир Николаевич всегда удивлял окружающих энциклопедической глубиной своих познаний, оригинальным стилем критического мышления, безупречностью своей научной репутации. Он был учеником двух ярких, но столь непохожих историков – Б.Ф. Поршнева и А.Д. Люблинской. С первым его роднит широта кругозора, смелость и нетривиальность мысли, со второй – страстная любовь к архивному поиску, подчеркнутое уважение к источнику, четкость во всех, даже самых мелких деталях. Но при этом Владимира Николаевича отличала абсолютная самостоятельность, он никогда не причислял себя к какой-нибудь школе или к направлению. Характерная черта его научного стиля – стремление браться за неразрешимые задачи и вместе с тем – стремление придать наблюдаемым явлениям системный характер, не жертвуя при этом яркими жизненными деталями. Это проявилось в основных его книгах.

Учебников по латинской палеографии немало, есть и исследования по истории «современного» французского письма – (конец XVII–XIX вв.), но В.Н. Малов, обобщив свой палеографический опыт, взялся описать эволюцию письма в переходный период XV – начала XVIII в., который характеризовался исследователями как «хаотический». Не имевший возможности в 70-е годы работать во французских архивах, он с честью справился с этой задачей. Его книга «Происхождение современного письма» предлагает классификацию французских почерков и стилей, связывает их с определенными типами документов, раскрывает пружины эволюции письма и вместе с тем служит незаменимым пособием тем, кто дерзнет работать с французскими документами этой эпохи.

Вспоминая начало своей работы над монографией о Кольбере, Владимир Николаевич цитировал слова Суворова, что на штурм, равный Измаильскому, можно решиться только один раз. Такое немислимое нагромождение историографических стереотипов, крайне противоречивые оценки Кольбера современниками и историками, и к тому же необъятное многообразие направлений кипучей деятельности генерального контролера финансов! Но В.Н. Малов блестяще справился и с этими трудностями – Жан-Батист Кольбер и его

политика предстают в целостном единстве при всей своей противоречивости. Помогло автору здесь не только блестящее знание источников и умение разгрести историографические завалы, но и владение математическими методами исследования – его анализ складывания хлебного рынка во Франции до сих пор остается непревзойденным шедевром отечественной экономической истории.

История Фронды по праву считалась еще более запутанной, чем судьбы Кольбера и кольбертизма. Одних лишь «Мазаринад» сохранились многие тысячи (немалая часть из них – в российских библиотеках), не говоря уже о сотнях политических трактатов, мемуаров и донесений. К противоречиям богатой французской историографической традиции добавлялись и особенности отечественной ситуации – несколько волн советских дискуссий об абсолютизме могли надолго отбить охоту теоретизировать на этом поистине минном поле. Но без теоретического осмысления разбираться в хитросплетениях борьбы Мазарини с его многочисленными противниками не представлялось для В.Н. Малова возможным. Вновь ему удается создать «порядок из хаоса», предпослав своей «Парламентской Фронде» четкое и непротиворечивое определение абсолютизма, предложить его периодизацию, дать характеристику абсолютистской доктрины, обрисовать основные параметры функционирования государственных учреждений. И тогда в Парламентской Фронде проступает внутренняя логика. Не случайно эта книга была удостоена премии французского посольства как лучшее исследование по истории Франции.

Себя же он «назначил» ответственным за судьбы коллекций французских документов в Москве – в РГАДА и в Отделе письменных источников ГИМ. Но «Происхождение письма» и «Кольбер», и «Фронда» лишь в малой степени опирались на источники, хранящиеся в российских архивах. Самым главным критерием ценности историка Владимир Николаевич считал его работу с источниками, желательно – с неопубликованными. Поэтому последнюю из работ В.Н. Малова – («Орлеан и его окрестности в XVI–XVII веках») с полным основанием можно назвать книгой его мечты. Она полностью написана на основе неопубликованных источников – коллекции нотариальных актов, оказавшихся в фондах ГИМ и тем самым избежавшей участи всех орлеанских документов, погибших во время бомбардировки 1940 г. Владимиру Николаевичу удалось поднять серьезные проблемы, относящиеся к природе земельной собственности, форме ипотечного кредита, системе наследования в крестьянских семьях.

В.Н. Малова ценили зарубежные историки, особенно те, кто были ориентированы на работу в архивах. Его статьи в «Библиотеке Школы Хартий», рассказывающие о хранящихся у нас интересных документах по истории Франции, привлекали большое внимание. О нем с благодарностью отзывались все, кому приходилось обращаться к нашим архивам – при работе над изданием каталога актов Генриха II, при подготовке публикаций писем кардиналов Жана Дю Беле и Жоржа Арманьяка, при работе над актами Парижского парламента. Владимир Николаевич вообще был щедр на помощь. Многие из нас, отдав свою рукопись ему на прочтение и получив ее обратно, с удивлением обнаруживали, что он пересчитал все таблицы, и везде карандашом проставил свой результат, с точностью до третьего знака за запятой. Все, кому доводилось работать с его текстами для «Истории Европы» или для «Всемирной истории», помнят удивительную ясность и четкость его стиля, его тексты не надо было перепроверять, зато практически невозможно было сокращать, поскольку в них не было ничего лишнего.

Можно много говорить о великолепной работе Владимира Николаевича как рецензента, редактора, комментатора. Думается, многие новые грани его таланта будут раскрыты, когда выйдет посмертное издание Владимира Николаевича «Франция в России», которую он рассматривал как свое научное завещание.

Мы же помним Владимира Николаевича как заинтересованного участника издания нашего журнала. Он занимал важнейшую должность ученого секретаря «Средних веков» в один из самых интересных и самых драматичных моментов истории этого издания – с 1970 по 1975 г. Его возвращение в состав редакционного совета обновленного журнала «Средние Века» в 2007 г. было большой удачей и счастьем для нас. Остается надеяться, что порадовало оно и Владимира Николаевича, старавшегося не пропускать заседаний и неизменно внимательно знакомившегося с материалами редакционного портфеля, испещрявшего поля рукописей своими карандашными пометками, выполненными бисерным почерком. Владимир Николаевич был членом редколлегий и других изданий, в частности «Одиссея», причем входил в ее состав со дня основания. Но не причислял себя к какому-то конкретному направлению. Для историка, по его мнению, главным должен быть девиз Ибсена – «Быть самим собой». И этому девизу он следовал до конца.

П.Ю. Уваров